

П. М. Лавринец
ПРИСВОЕНИЕ ВИЛЬНЮСА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2)6

В статье рассматривается репрезентация пространства города Вильнюса в поэтических, прозаических, автодокументальных и других текстах, созданных на русском языке в период от конца 1940-х до начала 1980-х гг. Цель исследования состоит в выяснении стратегий присвоения Вильнюса. Анализ материала показал, что в образе столицы одной из трех прибалтийских советских республик комбинируются черты «другого» пространства, окрашенного умеренной экзотикой принадлежности к литовской национальной и западноевропейской культуре, и пространства «своего», к элементам которого относятся фигуры и эпизоды революционной и национально-освободительной борьбы, русской национальной истории и истории культуры. Эти элементы включают Вильнюс в русский исторический и культурный текст, вписывая город в советский исторический метанарратив, к чему и сводится его присвоение.

Ключевые слова: *вильнюсский текст, метанарратив, миф, национальная традиция, русская литература, художественное пространство*

Образ Вильнюса в русской литературе, а также отдельные компоненты и аспекты словесной репрезентации вильнюсского городского пространства не раз становились предметом анализа в различных исследовательских перспективах.¹ В данной статье, примыкающей к циклу работ о Вильнюсе в русской литературе,² рассматривается один из компонентов репрезентации города в стихотворных, прозаических, мемуарных и некоторых других по своей жанровой природе текстах, созданных на русском языке в период от конца 1940-х до начала 1980-х гг. С середины 1980-х гг. наметились новые тенденции в конструировании образа Вильнюса, которым следует посвятить отдельное исследование. Обилие цитат в статье обусловлено тем обстоятельством, что часть анализируемых произведений предположительно относится к ма-

лоизвестным и не привлекавшим внимания исследователей.

В текстах, ставших объектом нашего анализа, конструировался образ столицы одной из трех прибалтийских советских республик — Вильнюса, окрашенного колоритом умеренной национальной и западной экзотичности и вместе с тем социалистического. Официальная литовская форма названия, чуждая русской традиции, подчеркивала эту экзотичность. Ее усиливали черты недавней принадлежности иному укладу жизни. Например, в романе И. Эренбурга «Буря» (1947) изображен город в июле 1944 г., когда советские войска «овладели столицей Литовской советской республики городом Вильнюс».³ В этом изображении отчетливо проступает публичная религиозность и другие непривычные детали нерусского и несоветского быта: женщина под грохот боя молится, стоя на коленях у Остробрамских ворот; польская семья со стариком в турецком халате прячется в подвале, вскрикивая при разрывах снарядов: «О пан Иисус!..»; герой романа Сергей Влахов в брошенном доме видит «фотографии Ниццы с нестерпимо синим морем и с пальмами, распятие из желтой кости, портрет дамы в платье с рюшами»; вильнюсские «узкие старинные улочки», «нежные барочные костелы с мучениками», «замок на пригорке», «цветистые вывески питейных заведений» напоминают ему «старые города Франции».⁴

¹ См., напр., анализ работ, использующих понятие «вильнюсский текст»: Видугирите И. *Петербургский текст* русской литературы и *Вильнюсский текст* литовской литературы: еще раз об аналитическом потенциале концепции В. Н. Топопова // Mokslo darbai. Literatūra. 2013. Nr. 55 (2). С. 7–16.

² См.: Лавринец П. «Вильнюс» Е. Рейна и «Вильнюсский текст» русской поэзии // Mokslo darbai. Literatūra. 1998. Nr. 38 (2). С. 103–112; Он же. Мицкевич *alias* Ленин: к семантике персонажа *вильнюсского текста* // Respectus Philologus. 2004. Nr. 5 (10). С. 64–76; Lavrinec P. Rusiškasis Vilniaus tekstas // Naujasis Vilniaus perskaitymas: didieji Lietuvos istoriniai pasakojimai ir daugiakultūrinis miesto paveldas. Straipsnių rinktinė. Vilnius, 2009. P. 257–277.

Лавринец Павел Михайлович — доктор гуманитарных наук, доцент кафедры русской литературы Вильнюсского университета (Вильнюс, Литва)
 E-mail: pavel.lavrinec@flf.vu.lt

³ Эренбург И. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 5. М., 1965. С. 628.

⁴ Там же. С. 624, 625.

Функционально тождественный набор деталей встречается и в мемуарной книге Эренбурга: «барочные костелы, узкие старые улицы»; молящаяся на коленях женщина у Острой браны; труп старика, «похожего на ученого прошлого века»; на стенах — фотографии гимназисток, дамы с наколкой, молодого человека в польской военной форме; под столом — открытка с видом Ниццы; польские и французские книги на полке в брошенной квартире, где заночевал писатель. Эренбург побывал с писателем П. А. Павленко, встреченным в Вильнюсе, у костела Святой Анны (причем Павленко пересказал расхожее предание о Наполеоне,⁵ жалевшем о том, что не может увести вильнюсский шедевр поздней готики в Париж) и у дома, где жил Мицкевич.⁶

В мемуарных текстах, отразивших, в частности, пребывание в Вильнюсе поэтов и писателей, прикомандированных к частям Красной Армии во время польской кампании 1939 г., город именуется польским вариантом названия и предстает чужим, заграничным. К Вильню 1939 г. вполне приложима характеристика Риги 1940 г., в которой «все еще пахло зарубежным духом»,⁷ о чем свидетельствуют следующие детали: гостиница «Жорж», типография «бывшей белогвардейской газеты», «знаменитый виленский собор», в котором во время службы «у алтаря развевались красные одежды кардинала», а В. Луговской обнаружил картину Мурильо.⁸ Белогвардейская редакция в «древнем городе Вильню», белогвардейская газета «Русское слово», о которой Луговской заявил, что «он уже знаком с подобными изданиями по Парижу», «старые стены, издавшие Наполеона», «серые стены каменных ворот — «браны», где похоронено сердце Пилсудского», вспоминаются в другом мемуарном тексте, датированном 1962 г.⁹

В стихотворении местного поэта и работника редакции газеты «Советская Литва» «Утро после войны» (1952) отсылки к иному

времени (прошлое войны, за которым встают более отдаленные эпохи: «руины замка древнего видны») и иной культуре (топонимическая экзотика: «в спокойных волнах Нериса реки») сочетаются с мотивами социалистического возрождения города (в Вильнюс «вдохнули жизнь большевики») и включенности его в общую жизнь большой страны (Лукишская площадь, преобразованная в площадь Ленина, «...будто / частица Красной площади в Москве»). Образ города встраивался в советскую историческую парадигму (исторический метанарратив) мрачного прошлого, противопоставленного светлому настоящему, к которому вела национально-освободительная и классовая борьба, и еще более яркому будущему. В прошлом Вильнюса выделялись события и фигуры, предвещавшие нынешнее желанное состояние мирного созидания еще более благоприятного завтра («Светло весны послевоенной утро — / оно рождает новый день в Литве...»¹⁰). Например, в стихах В. Устинова вспоминаются З. Сераковский и К. Калиновский, казненные на том месте, где воздвигнут памятник Ленину; у подножия его в настоящем времени советского благополучия играют дети.¹¹ Вильнюс — это город, где началась революционная деятельность Ф. Э. Дзержинского (он здесь впервые зажег «своей кипучей юности костры»¹²). В стихотворении «Наш Вильнюс» город «наш», потому что в 1905 г. здесь проходили демонстрации и забастовки, здесь «Дзержинского звенело слово!», «...проходил здесь Ленин / по его широким площадям».¹³ Новым элементом Вильнюса, запечатленным в поэтическом образе, явился памятник генералу И. Д. Черняховскому, открытый в конце 1950 г.¹⁴: в стихотворении «Памятник Черняховскому в Вильнюсе», датированном 1949 г., полководец «...стоит, оберегая Вильнюс, / на башне танка, устремляясь вперед!»¹⁵

Фигуры руководителей восстания 1863 г., деятелей российского революционного движения делают Вильнюс «своим» не только в стихах В. Устинова. В дореволюционном Вильню

⁵ О значении фигуры Наполеона и войны 1812 г. для формирования образа Вильнюса в русской литературе см.: Lavrin P. Op. cit. P. 258, 259.

⁶ См.: Эренбург И. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9. М., 1967. С. 392, 397–399.

⁷ Исбах А. На литературных баррикадах. М., 1964. С. 360.

⁸ Там же. С. 347, 350. Что касается «редкого Мурильо», необходимо заметить, что в вильнюсском Кафедральном соборе действительно имела копия «Непорочного зачатия», выполненная во второй половине XIX в. польским художником Каролом Рафаловичем, см.: Kłos J. Wilno. Przewodnik krajoznawczy. Wydanie trzecie poprawione po zgonie autora. Wilno, 1937. S. 120.

⁹ См.: Долматовский Е. Было. Записки поэта. М., 1975. С. 48–50.

¹⁰ Устинов В. Лирика. Вильнюс, 1953. С. 30.

¹¹ См.: Он же. Дорогие имена // Советская Литва. 1954. Кн. 1. С. 24, 25.

¹² Он же. Дзержинский в Вильнюсе // Там же. С. 25, 26.

¹³ Он же. Наш Вильнюс // Там же. С. 28, 29.

¹⁴ См.: Antanavičiūtė R. Stalininis „penkmetis“: Vilniaus viešųjų erdvėjų įprasminimo darbai 1947–1952 m. // Menotyra. 2009. T. 16, nr. 3–4. P. 162–164.

¹⁵ Устинов В. Лирика. С. 37.

разворачивается часть действия пьесы о юности Дзержинского «Умом и сердцем», поставленной Русским драматическим театром Литовской ССР в 1959 г.¹⁶ и напечатанной в 1960 г.¹⁷ Современный Вильнюс изображен насыщенным живой памятью о филوماتах и Мицкевиче, связанных с декабристами, А. И. Ульяновым и Лениным общей борьбой против «белого царства несправья». ¹⁸ Город включен в «большой нарратив» политической борьбы в России и в стихотворении Ю. Л. Кобрин «Глаза» («Пятый год. На Трехкрестовке ветер...»), снабженном посвящением «Памяти вильнюсских гимназистов, ставших большевиками в 1905 году». ¹⁹

Другие возможности включения Вильнюса в российскую традицию дают памятники истории и культуры, связанные с историей русской культуры. Поэтому в конструировании образа города используется вильнюсская достопримечательность, отсылающая к традициям русского православия, национальной истории и истории русской культуры. Например, в стихотворении А. Кленова «Древний город» (1957) читаем: «Перед каменной церквушкой / Я в волнении стоял: / В ней крещен был прадед Пушкина — / Абиссинец Ганнибал». ²⁰ В роман этого же автора «Поиски любви» (1960–1966 гг.) стихотворение включено в другой редакции, при этом его содержание не изменяется: «Перед маленькой церквушкой / я не раз в слезах стоял: / в ней крещен был прадед Пушкина, / абиссинец Ганнибал». ²¹ Устами одного из персона-

жей романа к этому сюжету дается своего рода комментарий: на одной из самых старых улиц Вильнюса есть церковь с памятной доской, надпись на которой гласит, что здесь император Петр Великий слушал благодарное молебствие за победу, одержанную над шведскими войсками, и крестил «африканца Ибрагима Ганнибала, деда знаменитого поэта нашего А. С. Пушкина...» ²²

Отнесение стихотворения Н. Старшинова «Размышление в виленском соборе» (1980) к числу словесных репрезентаций Вильнюса проблематично. Оно начинается строкой, отсылающей к упомянутому выше событию («Здесь некогда крестили Ганнибала...»), но не касается Вильнюса, представляя собой действительно размышление о спасительной для человеческой судьбы причастности к судьбе России: «Мол, будь любого цвета и породы, / Не пропадешь бесследно на Руси, / Лишь только вместе с нею все невзгоды, / Все тяготы по-честному неси!» ²³

Очерк литературного критика В. Огнева вобрал в себя впечатления, полученные автором во время Недели русской советской поэзии в Литве в 1959 г. Описание архитектурных красот Вильнюса, помимо упоминаний костелов, арочных проходов, петляющей улочки с необычным названием, вымощенной брусчаткой, содержит тот же элемент, знаменующий русскую культурную традицию: «Я долго стоял у фасада Пятницкой церкви. Здесь, по рассказам литовцев, Петр I крестил прадеда Пушкина — Ганнибала...» ²⁴ В очерке В. Аксенова образ экзотичного пространства создается посредством насыщения текста необычными названиями (кафе «Неринга», площадь Гедеминаса, ²⁵ район новостроек Антакальнис, деревянные божки «смуткяляй») и именами литовских поэтов, архитекторов, скульпторов, художников (Чюрлёнис, С. Нерис, К. Богданас, С. Красаускас, Э. Межелайтис, братья А. и В. Насвитисы и др.). Национальной экзотичности придают западный, европейский оттенок упоминания звучащих в «Неринге» песен «Марина» и «Воляре», а также сопоставление Антакальниса с Монмартром.

¹⁶ См.: Юкова И. Русский драматический театр Литвы: творческий путь Государственного русского драматического театра Литовской ССР (1946–1981). Вильнюс, 1988. С. 59–62.

¹⁷ Канович Г., Ханеев О. Умом и сердцем: драма в четырех действиях с прологом и эпилогом // Советская Литва. 1960. Кн. 6. С. 56–135.

¹⁸ Кобрин Ю. Воспоминание о Вильнюсе // Комсомольская правда (Вильнюс). 1973. 6 июля, № 132 (7250). С. 4. Стихотворение без названия вошло в подборку стихов: Он же. Из вильнюсской тетради // Литва литературная. Год 1974. Вильнюс, 1974. С. 72, 73. Позднее под названием «Память» стихотворение включалось в сборники вильнюсского поэта (напр.: Он же. Час сердца: стихи. Вильнюс, 1979. С. 7, 8); начиная с книги «Дневник любви», стихотворение печатается без строк о «сашинной казни» и о картавом говорке его «лобастого брата», см.: Он же. Дневник любви: стихи. М., 1987. С. 7.

¹⁹ Кобрин Ю. Глаза // Комсомольская правда (Вильнюс). 1973. 6 июля, № 132 (7250). С. 4. Стихотворение без названия и с посвящением вошло в подборку стихов: Он же. Из вильнюсской тетради. С. 73, 74. В сборники включалось без идеологизирующего посвящения (Он же. Час сердца. С. 9, 10), иногда с датой «1970 г.».

²⁰ Кленов А. Неназванная книга: стихи. М., 1957. С. 153.

²¹ Он же. Поиски любви: роман с лирическими отступлениями. М., 1967. С. 394.

²² Там же. С. 373.

²³ Старшинов Н. Размышление в виленском соборе // Юность. 1980. № 2. С. 47.

²⁴ Огнев В. У карты поэзии: статьи и очерки о поэзии национальных республик. М., 1968. С. 106.

²⁵ Топонимы и имена исторических персонажей, а также иноязычные цитаты приводятся в том виде, в каком они выступают в обсуждаемых текстах.

Помимо того, упоминаются костелы, построенные в готическом и барочном стилях, которые ассоциируются преимущественно с историей западноевропейской архитектуры. Архитектор В. Габрюнас, выступающий в роли гида по «старому Вильнюсу», среди прочего обращает внимание московского гостя на место постоя наполеоновских солдат и на церковь, в которой «крестили Арапа Петра Великого».²⁶ Такое включение города в русский исторический и культурный контекст, симптоматично исходящее от литовца (как в очерке Огнева — от литовцев), до известной степени снимает темперированную экзотичность.

Особый случай представляет фигура Мицкевича и связанные с ним городские объекты.²⁷ Приведенное выше упоминание дома, где жил Мицкевич, в мемуарной книге Эренбурга не противоречит общей картине иного пространства: польский поэт репрезентирует иную культуру, иное время. В цитированном стихотворении Кленова конструируется образ города на перекрестке культур: «Омывал его без усталы / Человеческий поток: / Шли из Рима, шли из Суздали, / Шли на запад и восток». В таком контексте упоминается и Мицкевич: «Город, башнею увенчанный, / В эти дни помолодел... / Помнят вильнюсские женщины, / Их еще Мицкевич пел...»²⁸ При всей своей невнятности (что именно помнят вильнюсские женщины? То, что их воспевал Мицкевич?) стихи Кленова поддерживают существенный для образа Вильнюса в литературе мотив памяти²⁹ и связывают город с именем Мицкевича.

В романе А. Кленова «Поиски любви» Вильнюс предстает городом литовской культуры, с персонажами литовцами, в тексте встречаются вкрапления литовских фраз, пересказ легенды об основании города литовским князем Гедимином. Вместе с тем Вильнюс — «родоначальник печатной кириллицы» (благодаря первопечатнику Франциску Скарине,

опередившему на 39 лет Ивана Федорова), а также славянской поэзии — польской (Мицкевич, Словацкий), белорусской (Купала), русской (посредством крещения Ганнибала: «Вот и выходит, что Пушкин начался в Вильнюсе...»³⁰). Среди особенно дорогих рассказчику достопримечательностей описан «бедный замкнутый дворик» дома «под номером одиннадцать» на улочке, текущей в изгибах, «как текла двести и триста лет назад». Глядя на окна во втором этаже, рассказчик «шептал строки поэта, который когда-то там жил: “Litwo! Ojczyzna moja! Ty jesteś jak zdrowie...”»³¹ Таким образом обозначенный, хотя и неназванный Мицкевич в лирическом отступлении становится элементом интимного восприятия экзотического и ностальгического Вильнюса.

В путевом очерке К. Паустовского «Ветер скорости», написанном после поездки по северо-западу СССР в 1954 г., Вильнюс изображен городом прекрасной архитектуры, необычайно близким к природе, напитанным историей и культурой «до мельчайших пор, до каждой подворотни». Прогулки по городу «с некоторым правом можно назвать прогулками по „маленькому Риму“». Архитектура барокко и готики, скульптурное убранство одного из храмов (неназванный костел Св. Петра и Павла), выполненное, как пишет Паустовский, должно быть, итальянцами, упоминание Наполеона, желавшего перенести костел Св. Анны в Париж, обилие храмов, средневековая сеть улиц и дворики придают Вильнюсу характер иного, европейского, пространства, с отчетливыми национальными приметами (башня Гедемина, усыпальница Сапеги, Острая Брама).

Один из самых больших по объему и эмоционально насыщенных эпизодов очерка — эпизод с двориком Мицкевича, «кажется, на Бернардинской улице». Рассказчик с благоговением вступает в «крошечный двор» за одной из «маленьких подворотен», над которой «на старенькой, потрескавшейся стене» прибита доска с надписью «Здесь жил Мицкевич», и переносится «больше чем на столетие назад». В лирическое рассуждение о бесспорном очаровании мест, связанных с памятью замечательных людей, вплетена та же знаменитая

²⁶ Аксенов В. Земная, солнечная кровь...: из блокнота писателя // Литературная газета. 1962. 13 окт. № 123 (4556). С. 2, 3.

²⁷ О функции образа Мицкевича и разнообразных отсылок к биографии и творчеству поэта в русских, литовских, польских стихотворных произведениях на тему Вильнюса см.: Лавринiec П. Мицкевич *alias* Ленин... С. 70–71.

²⁸ Кленов А. Неназванная книга. С. 153, 154. Ср. другую редакцию: «Вильнюс, шпильями увенчанный, / в эти дни помолодел... / Знают виленские женщины, / их еще Мицкевич пел...» (Он же. Поиски любви. С. 395).

²⁹ О значимости в произведениях о Вильнюсе мотива памяти см.: Лавринiec П. «Вильнюс» Е. Рейна и «Вильнюсский текст» русской поэзии. С. 108–110; Lavrinec P. Op. cit. P. 273–275.

³⁰ Кленов А. Поиски любви. С. 372, 373.

³¹ Там же. С. 380.

инвокация: «Отчизна милая, Литва, ты, как здоровье: тот дорожит тобой, как собственной кровью, кто потерял тебя!» Мицкевич выступает в роли певца Литвы, наделенного талантом прекрасного предшественника, оставившего «нам в наследство» блеск и мужество мысли.³²

Специфическим способом Вильнюс присваивается в стихотворении Д. Самойлова «Дворик Мицкевича» (1963).³³ Имя поэта и цитируемые начальные строки его эпической поэмы знаменуют иную, нерусскую, традицию и независимое поэтическое творчество. По удачной характеристике А. С. Немзера, в стихотворении «польские (по языку), литовские (по чувству), записанные латиницей строки Мицкевича переплетаются, прихотливо рифмуются, связываются аллитерациями с “кириллическими” строками русского поэта».³⁴

Другую функцию выполняет фигура Мицкевича и реминисценции его поэзии в произведениях, в которых польский поэт оказывается знаком «своей» традиции, благодаря историко-литературному сюжету дружбы Мицкевича и Пушкина вкупе с преувеличенной революционностью филаретов и филوماتов, членов тайных патриотических обществ студентов Виленского университета (например, в упомянутом стихотворении Кобриня «Воспоминание о Вильнюсе»). В функции присвоения выступают Мицкевич и связанный с его именем объект в одном из автодокументальных отступлений в повести Огнева «Легенда о Монтвиле»: рассказчик ночью попадает во дворик дома Мицкевича; охваченный «странным ощущением», он мысленным взором видит поэта, «тонкими пальцами с перстнем» переворачивающего лист календаря с датой 23 октября 1824 г. (дата высылки Мицкевича из Вильно), за которой «его ждет в Петербурге Пушкин», Гурзуф, Целина Шиманская, Рим. Прогулка по ночному Вильнюсу оборачивается погружением в прошлое и прикосновением к судьбе польского поэта, прощающегося с Литвой и связанного с Пушкиным.³⁵

³² Паустовский К. Ветер скорости // Вокруг света. 1955. № 5. С. 31. Начальные строки поэмы «Пан Тадеуш» Паустовским приводятся в переводе С. Мар (1954).

³³ Самойлов Д. С. «Мне выпало всё...» / сост. А. Д. Давыдов. М., 2000. С. 83.

³⁴ Немзер А. Из «тютчевяны» Давида Самойлова // Статьи на случай: сб. в честь 50-летия Р. Г. Лейбова. URL: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Nemzer.pdf (дата обращения: 04.12.2013).

³⁵ См.: Огнев В. Легенда о Монтвиле, или Памятник неизвестному поэту. М., 1967. С. 21–24.

Шесть из десяти четверостиший стихотворения В. Рождественского «В Вильнюсе» (1969) посвящены дворику Мицкевича, куда «сходились филареты / В кружок испытанных друзей», и «певцу свободы и Литвы». В воображении поэта встает «давнее виденье» — реминисценция стихотворения Мицкевича «Памятник Петру Великому» (Отрывок III части «Дедов»): «В тумане невиской непогоды / Вновь перед бронзовым Петром / Стоят два первенца свободы, / Одним укрытые плащом». Эти строки реактивируют миф о дружбе поэтов, символизирующий братство литератур и народов («всесильны / Слова о братстве всех племен»). Польскому поэту приписывается предчувствие еще «в переулках старой Вильны» пушкинского рукопожатия, унесенного в эмиграцию («Ты унесешь в свои скитанья / Пожатые пушкинской руки!»).³⁶

Если Мицкевич в некоторых текстах становится знаком «своего», то еще более сложную комбинацию дает цикл стихотворений «Литовский дивертисмент» И. Бродского (1971; опубликован в 1977 г.³⁷). В сложной структуре цикла антураж «модерного» города на западной окраине «Советской империи» сочетается с элементами барочной традиции и с памятью о Великом княжестве Литовском. Еврейская тема оборачивается темой изгойства вообще, в том числе изгойства поэта и всякого человека, детерминированного «чуждым взглядом» и «живущего в мире чужих языков и мод, чужой эмблематики, идеологии, истории»: возможная двоящаяся еврейская биография конструируется на польском католическом и российском имперском фоне.³⁸ В серии множественных инверсий «своего» и «чужого» «кресты двуглавой Катаринины» одновременно и означают двухбашенный католический барочный храм, репрезентирующий иную национальную и культурную традицию, и отсылают к «своей» имперской традиции с двуглавым российским орлом и Екатериной II (при которой Вильнюс с литовскими землями был включен в состав империи), очевидно чуждой лирическому субъекту.

Таким образом, присвоение Вильнюса в русской литературе осуществляется благодаря знакам «своей» исторической и культурной традиции, обнаруживаемых в пространстве

³⁶ Рождественский В. Стихотворения. Л., 1985. С. 295, 296.

³⁷ Бродский И. Конец прекрасной эпохи: стихотворения 1964–1971. Ann Arbor, 1977. С. 102–105.

³⁸ См.: Венцлова Т. Статьи о Бродском. М., 2005. С. 16, 17.

иной культуры. В идеологически корректной литературной продукции такое присвоение вписывало город в советский исторический метанарратив. Явно не отвечавшие ему про-

изведения, такие как путевой очерк Паустовского или стихотворения Самойлова, все же не выходили за рамки идеологической корректности.

Pavel M. Lavrinec

Doctor of Humanitarian Sciences, Vilnius University (Lithuania, Vilnius)

E-mail: pavel.lavrinec@flf.vu.lt

VILNIUS CONVERSION IN THE RUSSIAN LITERATURE

The article deals with the issue of representation of the city of Vilnius landscape in poetry, prose, documentary and other texts created in the Russian language during the period from the end of the 1940s to the early 1980s. The purpose of the study was the understanding of Vilnius conversion strategies. Analysis of the texts demonstrated that the image of the capital of one of the three Baltic Soviet republics combined the traits of the “other” environment with moderately exotic coloring associated with belonging to the Lithuanian national and the general West-European culture, and the “own” context, the elements of which included figures and episodes of the revolutionary and national-liberation struggle, the Russian national history and the history of culture. These elements included Vilnius into the Russian historical and cultural text, inscribing the city into the Soviet historical meta-narrative, which was, in fact, the city's conversion.

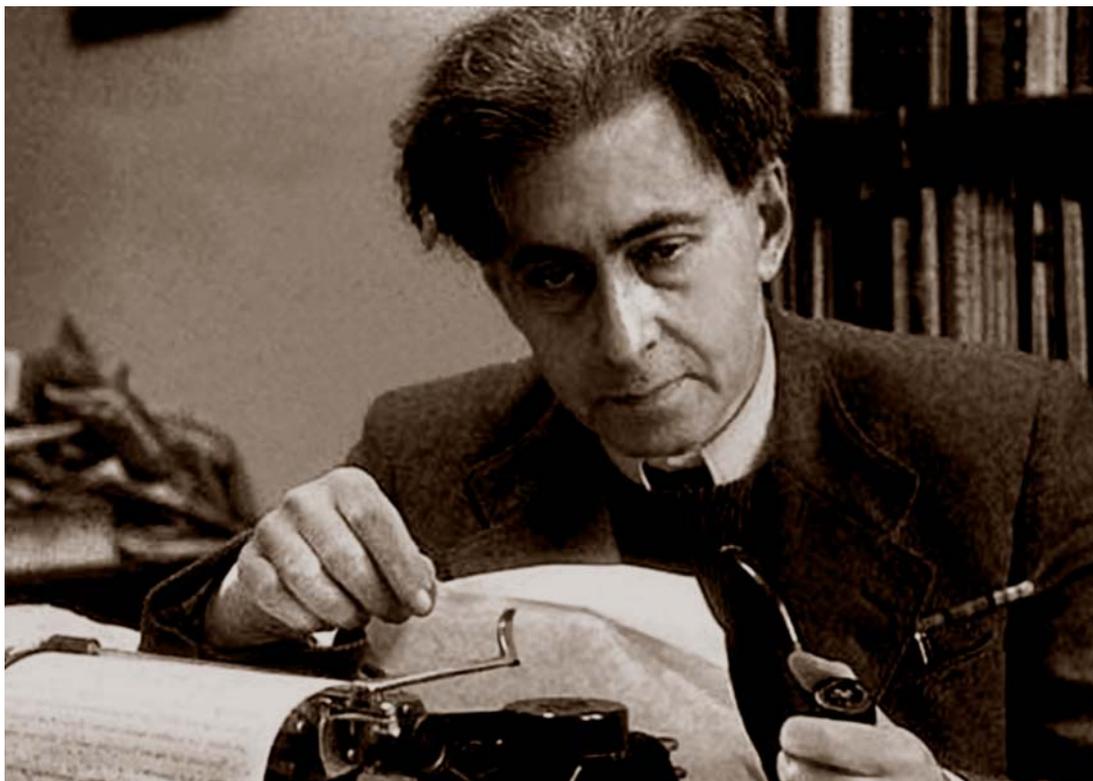
Key words: *Vilnius text, metanarrative, myth, national tradition, Russian literature, imaginary space*

REFERENCES

- Aksenov V. *Literaturnaya gazeta* (Literary Newspaper), 1962, October 13, № 123 (4556), pp. 2–3. (in Russ.).
- Antanavičiūtė R. *Menotyra* [Criticism], 2009, Vol. 16, № 3–4, pp. 162–164. (in Lithuanian).
- Brodskiy I. *Konets prekrasnoy epokhi: stikhotvoreniya 1964–1971* [End of the belle époque: poems 1964–1971]. Ann Arbor: Ardis, 1977, 114 p. (in Russ.).
- Dolmatovskiy Ye. *Bylo. Zapiski poeta* [It was. Notes poet]. Moscow: Sovetskiy pisatel Publ., 1975, 608 p. (in Russ.).
- Erenburg I. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ., 1965, Vol. 5, 774 p.; 1967, Vol. 9, 798 p. (in Russ.).
- Isbakh A. *Na literaturnykh barrikadakh* [On literary barricades]. Moscow: Sovetskiy pisatel Publ., 1964, 367 p. (in Russ.).
- Yukova I. *Russkiy dramatičeskij teatr Litvy: tvorcheskiy put Gosudarstvennogo russkogo dramatičeskogo teatra Litovskoy SSR (1946–1981)* [Russian Drama Theatre of Lithuania: the creative way the State Russian Drama Theatre of the Lithuanian SSR (1946–1981)]. Vilnius: Vaga Publ., 1988, 134 p. (in Russ.).
- Kanovich G., Khaneev O. *Sovetskaya Litva* [Soviet Lithuania], 1960, Book 6, pp. 56–135. (in Russ.).
- Klenov A. *Nenazvannaya kniga: stikhi* [Untitled book: poems]. Moscow: Sovetskiy pisatel Publ., 1957, 179 p. (in Russ.).
- Klenov A. *Poiski lyubvi: roman s liricheskimi otstupleniyami* [Search for love: a novel with lyrical digressions]. Moscow: Sovetskiy pisatel Publ., 1967, 497 p. (in Russ.).
- Kłos J. *Wilno. Przewodnik krajoznawczy. Wydanie trzecie poprawione po zgonie autora* [Vilnius. Guide touring. Third edition revised after the death of the author]. Wilno: Grafika, 1937, 326 p. (in Polish).
- Kobrin Yu. *Chas serdtsa: stikhi* [Hour heart: poems]. Vilnius: Vaga, 1979, 93 p. (in Russ.).
- Kobrin Yu. *Dnevnik lyubvi: stikhi* [Diary of love: poems]. Moscow: Sovetskiy pisatel Publ., 1987, 112 p. (in Russ.).
- Kobrin Yu. *Komsomolskaya pravda (Vilnyus)* (Komsomol Truth (Vilnius)), 1973, July 6, № 132 (7250), p. 4. (in Russ.).
- Kobrin Yu. *Litva literaturnaya. God 1974* [Lithuania literaturnaya. Year 1974]. Vilnius: Vaga, 1974, pp. 72–74. (in Russ.).
- Lavrinec P. *Naujasis Vilniaus perskaitymas: didieji Lietuvos istoriniai pasakojimai ir daugiakultūrinis miestas paveldas. Straipsnių rinktinė* [The new reading of Vilnius: the grand narratives of the history of Lithuania and multicultural city heritage. Selected articles.]. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2009, pp. 257–277. (in Lithuanian).

-
- Lavrinet P. *Mokslo darbai. Literatūra* [Scientific. Literature], 1998, № 38 (2), pp. 103–112. (in Russ.).
- Lavrinet P. *Respectus Philologicus*, 2004, № 5 (10), pp. 64–76. (in Russ.).
- Nemzer A. Available at: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Nemzer.pdf (accessed 4 December 2013). (in Russ.).
- Ognev V. *Legenda o Montvile, ili Pamyatnik neizvestnomu poetu* [Legend of Montville, or Monument to the unknown poet]. Moscow: Detskaya literature Publ., 1967, 135 p. (in Russ.).
- Ognev V. *U karty poezii: stati i ocherki o poezii natsionalnykh respublik* [The card poetry articles and essays on poetry of the national republics]. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ., 1968, 309 p. (in Russ.).
- Paustovskiy K. *Vokrug sveta* (Around the World), 1955, № 5, pp. 25–31. (in Russ.).
- Rozhdestvenskiy V. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel Publ., 1985, 592 p. (in Russ.).
- Samoylov D. S. «*Mne vypalo vse...*» [“I dropped everything...”]. Moscow: Vremya Publ., 2000, 624 p. (in Russ.).
- Starshinov N. *Yunost* (Youth), 1980, № 2, pp. 47. (in Russ.).
- Ustinov V. *Lirika* [Lyrics]. Vilnius: Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoy literatury Litovskoy SSR Publ., 1953, 88 p. (in Russ.).
- Ustinov V. *Sovetskaya Litva* [Soviet Lithuania], 1954, Book 1, pp. 24–29. (in Russ.).
- Ventslova T. *Stati o Brodskom* [Articles about Brodsky]. Moscow: Baltrus; Novoe izdatelstvo Publ., 2005, 176 p. (in Russ.).
- Vidugirite I. *Mokslo darbai. Literatūra* [Scientific. Literature], 2013, № 55 (2), pp. 7–16. (in Russ.).

К статье П. М. Лавринца

Илья Эренбург (15 (27) января 1891 г. — 31 августа 1967 г.)

Старый Вильнюс. Вид с колокольни Св. Иоанна

Иосиф Бродский
(24 мая 1940 г. — 28 января 1996 г.)

Давид Самойлов с Михаилом Козаковым.
Пярну, конец 1970-х — начало 1980-х гг.

Дворик Мицкевича (Вильнюс, ул. Бернардину 11)